

Пролог

8 мая 1942 года.

Декретное время: 4 часа утра.

*Крымское побережье Чёрного моря в тылу
63-й горнострелковой дивизии. Крымский
фронт*

Светает... Невысокие гребни волн накатывают на берег и разбиваются о гальку, создавая неповторимый шелест, который я про себя называю шёпотом моря. Лишь немного волнуется бескрайняя водная гладь, теряющаяся ближе к горизонту в предрассветных сумерках, а утреннюю тишину пронзает крик одинокой чайки... Как же красиво здесь, в Крыму! Как же хочется забыть о войне... Как же хочется спуститься к пляжу с Олей, войти в пока ещё довольно прохладную воду, вдоволь поплескаться и тут же выскочить на берег, согревшись у небольшого костерка и в объятиях любимой! Несбыточные мечты...

Пляж заминирован ФОГаи — фугасными огнеметами. И я с бойцами тут нахожусь не ради того, чтобы полюбоваться красотой природы, а в ожидании немецкого десанта.

В тылу, на значительном удалении от нашей позиции, послышался вдруг тихий шелест, и практически сразу за ним последовал мощный грохот и тяжелые удары, отдавшиеся дрожью даже в скальном грунте! Посмотрев на часы и отметив время — 4:05, я довольно улыбнулся: все идёт по плану. 25-й гвардейско-минометный полк нанёс первый, упреждающий удар по врагу! И думается мне, что под огнём «Катюш» фрицам приходится явно несладко... Три дивизиона, в каждом из которых три батареи по четыре установки РСЗО¹ БМ-13, ласково прозванной солдатами «Катюша». За десять секунд они дают залп из 576 снарядов калибром 132 миллиметра и накрывают ими площадь в семьдесят-сто гектаров. Как раз самое то, чтобы хорошенько так врезать по скопившимся на переднем крае ударным частям нацистов...

Вот только в реальной истории 25-й гвардейско-минометный полк также вёл огонь по начавшим атаку немцам. И помешать наступлению противника не сумел, что все же несколько удивительно на фоне разрушительной мощи реактивных снарядов. Но все, что Александр

---

¹РСЗО — реактивная система залпового огня.

сообщил мне на этот счет прежде, чем я начал очередное погружение, это то, что огонь вёлся в момент наведения переправ через противотанковый ров у ак-монайской позиции.

Не самое удачное применение первых отечественных РСЗО, учитывая, что они не могут вести точного огня, а бьют по площадям. Впрочем, думаю, что в большей степени сказалась повсеместная для Крымского фронта нехватка снарядов: сейчас полк сумеет дать три-четыре залпа. А после, в переломный момент боя мы сможем задействовать уже только один дивизион на два, максимум три синхронных запуска. Плюс не стоит забывать, что реальная численность советских подразделений на Крымском фронте редко достигает штатной. В 25-м гвардейско-минометном полку есть батареи и из трех, и даже двух машин, а всего их двадцать четыре вместо тридцати шести. Но все равно ураганный удар пусть даже двадцати четырех установок залпового огня должен ну *очень* взбодрить фрицев! И действительно, где-то в тылу слышатся продолжительные взрывы... Может, удалось заткнуть хоть одну из батарей немецких РСЗО?

Для прорыва позиций 63-й горнострелковой дивизии РККА Манштейн стянул шесть батарей установок залпового огня «Nebelwerfer» («метателей тумана»), шмаляющих 150-миллиметровыми снарядами, плюс как минимум две шестиорудийные батареи стационарных установок,

запускающих реактивные снаряды 280 и 320 миллиметров. Германские РСЗО наши уменьшительно-ласкательно кличут «Ванюшами», но бьют эти «Ванюши» будь здоров. Особенно более мощные калибры — их ударная волна разрывает барабанные перепонки у находящихся под обстрелом бойцов и вызывают среди них сумасшедшую панику, практически полностью деморализуя попавших под обстрел людей.

Более или менее спокойно выждав некоторое время, я начинаю то и дело украдкой смотреть на часы со все более нарастающим волнением. 4:12... 4:13... 4:14...

4:15.

Второй залп «Катюш», на перезарядку которых уходит в среднем до десяти минут, хотя опытные расчеты могут справиться и вдвое быстрее. И все же для нанесения синхронного удара командиры дожидаются зарядки всех установок. Как бы то ни было, я вновь слышу только лишь тихий шелест запуска оперенных реактивных снарядов М-13.

4:16.

С немецкой стороны доносится очередная серия взрывов — и все. Неужели мы сорвали вражескую артподготовку?!

4:17.

В тылу раздаётся гулкий рев, похожий на ишачий, потом странный, жутковатый скрип — и под занавес оглушительный грохот взрывов.

На нашей стороне. Причём в этот раз скалы на берегу задрожали заметно сильнее...

4:20.

Артподготовка фрицев заканчивается. Сумасшедший, непрерывный шквал огня на протяжении трех минут — помимо РСЗО советские позиции перепыхала и многочисленная гаубичная артиллерия фрицев. В моменты наиболее мощных взрывов меня буквально подбрасывало над камнями, и честно признаться, мне страшно даже представить себе, что чувствуют сейчас бойцы, оставшиеся на старой позиции... Душу начинают терзать запоздалые муки совести — ведь именно я настоял, чтобы в траншеях за противотанковым рвом остались по две наиболее боеспособные роты от каждого полка. Сейчас же «наиболее боеспособных» три минуты подряд мешала с землей реактивная и гаубичная артиллерия противника... С другой стороны, это все равно лучше, причём значительно лучше, чем то было в реальной истории, когда под ураганный налет РСЗО и крупнокалиберных «чемоданов» попала вся дивизия, дико скученная в узких, плохо обустроенных траншеях. Отведя стрелковый заслон за противотанковый ров и заминировав пространство перед ним немногочисленными противопехотными минами, командив заставил бойцов за ночь надежно закопаться в землю. Пусть даже в стрелковых ячейках, но так, чтобы целиком, с головой. Потому, несмо-

тря на мощь вражеской артподготовки, потери у прикрытия, разбросанного по довольно широкой площади оборонительных позиций, явно не слишком большие. Так что наводящих переправу фрицев наши стрелки встретят...

И вновь в тылу с нашей стороны раздается тихий шелест запуска «Катюш». Третий залп... Интересно, а двухминутное запоздание фрицевского удара — это как раз результат нашего артналета, или у меня просто часы чуть спешат?

Впрочем, это уже и не столь важно. Главное — я сделал все для себя возможное на стадии подготовки. Теперь же мои способности и умения придется применить в области боевой практики.

На скалах горы Ас-Чалуле стоит артиллерийский дот, прикрывающий обширный участок берега Феодосийского залива. В реальной истории он был захвачен морским десантом фрицев — в общей сложности одной усиленной саперами и огнеметчиками ротой 436-го пехотного полка. Силы десанта, прорвавшегося сквозь заградительный огонь пушек и стрелкового оружия, были невелики — всего полторы сотни солдат и офицеров. Но именно их успешная атака стала последней каплей в разгроме 63-й горнострелковой дивизии — дивизии, проутюженной артподготовкой крупнокалиберной артиллерии, РСЗО, а позже авианалетом. Панический крик «немцы в тылу» вызвал настоящую панику, при-

ведшую к беспорядочному оставлению позиций. Правда, тут стоит все же добавить, что в момент отступления 63-я горнострелковая дивизия уже потеряла всю артиллерию и находилась под прямым огнем немецких штурмовых орудий типа «штуг» и «мардер».

Конечно, судьба битвы и самого Крымского фронта в целом решится не здесь. Но по итогам подготовки к отражению вражеского удара лишь мой взвод бойцов НКВД стал единственным резервом дивизии, который чудом удалось выбить у командования для встречи десанта.

Вот только хватит ли двадцати семи бойцов при трех ручных пулеметах и одной снайперской винтовке, чтобы отразить немецкий удар?

Время покажет.

...5:15. В тылу, на рубеже противотанкового рва идет ожесточенная стрельба. Ночью все советские переправы должны были быть заминированы и взорваны уже во время артподготовки. Так что по идее сейчас саперные группы 28-й легкой пехотной дивизии вермахта наводят переправы под огнем прикрытия. Наши же командиры должны стянуть личный состав как раз к месту инженерных работ, и хотя у них и отсутствуют станковые пулеметы, зато число ручных доведено до штатной нормы, бойцам выданы удобные и простые в использовании «лимонки» Ф-1. Кроме того, защитников противотанкового рва усилили двумя отделениями снайперов,

разбитых по парам. Сейчас прикрытие выигрывает время на обустройство основного рубежа обороны, в спешке возводимого в течение всей ночи, и выбивает как можно большее число немцев. Но как только переправы будут окончательно готовы, советские подразделения должны отступить к основным силам.

...Правда, это все планы. Как пойдет на самом деле — точнее, как идет уже сейчас! — мне, увы, неизвестно. Однако сам факт плотной стрельбы свидетельствует о том, что бой идет и что ров не сдан противнику без драки, а значит, роты прикрития сохранили боеспособность, несмотря на артобстрел.

Уже хорошо.

5:17.

Вон они, голубчики, показались... В снайперский прицел СВТ уже более или менее различимы довольно быстродвигающиеся к берегу моторные лодки. Много их, не меньше сорока... И тут же в унисон моим мыслям ударило орудие из дота, подняв фонтан воды чуть позади немецких катеров. Ну, ничего, это пристрелочный. Сейчас мы вам, твари, устроим «Омаха-бич» Крымского разлива!

— Напоминаю, стрелки открывают огонь в момент высадки... Расчеты Ковалева, Петренко, Сергеева молчат до моего приказа!

Нужно взбодрить бойцов и заодно напомнить им о заранее доведенном плане на бой.

В принципе-то ничего особенного: рядовые бойцы, кто с «мосинками», кто теперь уже с довольно редкими в войсках СВТ, начинают стрелять после того, как вражеские саперы примутся разминировать поле ФОГов. Есть вероятность, что при моей снайперской поддержке мы сумеем если не выбить, то проредить их настолько, что немцы просто не смогут продвинуться далее заминированного пляжа. Однако есть вероятность, что противнику все же удастся пройти вперед — что же, в таком случае мы подпустим фрицев на дистанцию кинжального огня и накроем фланкирующим и фронтальным огнем трех ручных «дегтяревых». Своих бойцов я расположил по схеме «взвод в обороне», чуть выведя вперед два отделения на флангах и заняв позицию в центре с третьим отделением, немного ближе к доту. Таким образом, немецкий десант, вынужденный атаковать долговременную огневую точку, попадет в огневой мешок — ну это, конечно же, по плану. А любые планы, как известно, имеют свойство разрушаться при первом же выстреле с вражеской стороны...

Пятьсот метров. Сделав несколько пушечных выстрелов, дот оживает плотным пулеметным огнем непрерывно работающих «максимов». И он имеет результат: переворачивается одна лодка, идет на дно вторая, третья... Но уцелевшие немцы неудержимо прут к берегу, выжимая из моторов все лошадиные силы. Им сей-

час лишь бы прорваться сквозь заградительный огонь дота...

Может, и нам стоит ударить прямо сейчас? Противник уже в зоне поражения ручных пулеметов... Но нет, рано. Даже если уничтожим половину десанта — и это в лучшем случае! — то оставшиеся фрицы, озлобленные потерями и осознающие, что теперь только вперед, будут уже целенаправленно выбивать проявившие себя расчеты. Нет, лучше немного обождать...

— Ждем!

Мой голос звучит громко, уверенно, бодро, как и подобает командиру, пусть он даже и сомневается в правильности выбранного решения. Но пока сомневается *только* командир, это еще не страшно. Гораздо хуже, если его тревога передается подчиненным, и те начнут думать не о драке, а как бы уцелеть — причем каждый сам за себя... Вот только горькая правда войны заключается в том, что подразделение живо и сражается, пока его бойцы дерутся как единое целое, стремясь выполнить поставленную задачу. Такие части умудряются пройти самые напряженные схватки, выжить в самых безнадежных ситуациях — понятно, что не всем составом, но все же... А вот когда среди бойцов каждый озадачен собственным спасением, то подразделение погибает гарантированно, и процент смертности в его рядах однозначно выше. Так что побольше бодрости и командирского напора в голосе —

и взвод будет до последнего верить, что и при пятикратном численном превосходстве врага нам ничего не стоит его остановить. С другой стороны, в бою на третьей заставе было и посложнее — однако же отбили все атаки! И сейчас отобьемся. Наверняка.

...До берега не дошло девятнадцать лодок, еще с двадцати восьми начался десант. Нет, я не считал перевернувшиеся и пошедшие на дно плавсредства, просто у меня есть послезнание об этом десанте. На пляж сейчас выберется всего полторы сотни человек, затем они должны быстро разминировать ФОГи, несмотря на огонь из дота... Но посмотрим, как получится в этот раз.

Солнце уже поднялось над водной гладью, так что никаких сложностей для ведения точной стрельбы нет. Поэтому я без всяких проблем ловлю в оптический прицел ПУ, дающий 3,5-кратное увеличение, грудь сапера, уже нащупывающего ближнюю к берегу мину стальным щупом, и мягко жму на спуск. Немца отбрасывает на спину, а я, окрыленный первым успехом, зычно кричу:

— Стрелки! Огонь по саперам противника! Пулеметчики молчат!

Отдав команду, чуть подаюсь назад и мягко перекатываюсь к соседнему валуну. Можно было продолжить стрельбу и с первой «лежки», но приобретенные навыки и инстинкты просто кричат о необходимости смены позиции. Так